

МОДЕЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Л. Е. Панаева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Изменения в международной сфере диктуют необходимость введения института уголовной ответственности юридических лиц. В целях преодоления медлительности законодательного процесса в РФ в статье представлены модели уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах, где данный институт действует столетия. Обращено внимание на специфику США, где компании подлежат уголовному преследованию на основании доктрин «строгой», или абсолютной, ответственности (то есть объективного вменения) и опосредованной ответственности. Отражена правоприменительная практика английских судов, со временем изменившая пределы действия доктрины идентификации, или теории отождествления, и впоследствии, расширившая круг субъектов преступления. В заключение указано на необходимость признания юридического лица субъектом преступления в Уголовном кодексе РФ, что предусматривал проект УК РФ 1994 года.

Ключевые слова: *корпорация, модели уголовной ответственности, уголовная ответственность юридических лиц, доктрина опосредованной ответственности, доктрина идентификации.*

Исторически утверждалось, что корпорация – это юридическая фикция, созданная только в коммерческих целях, лишённая тела и разума и, следовательно, не способная сформировать *mens rea* для совершения преступлений [7]. К сожалению, до сих пор эта позиция поддерживается многими учеными и практиками, и на данный момент институт уголовной ответственности юридических лиц считается революционным, но, тем не менее, он находит и своих сторонников в России, хотя процесс является достаточно медленным.

Стоит отметить, что в настоящее время на фоне внешнеполитической обстановки, в связи с недружественными действиями ряда иностранных государств и международных организаций, и применяемыми в отношении нашего государства санкциями, требуется решительность законодателя в осуществлении перехода от идеи введения уголовной ответственности юридических лиц к реальности.

При рассмотрении вопроса о целесообразности введения данного института обратим внимание на некоторые подходы к определению форм наиболее строгого вида ответственности.

В ходе исследования в английской правовой науке учеными были выделены доктрины опосредованной ответственности (*vicarious liability*) и идентификации (*doctrine of identification*), или теории отождествления (*theory-*

alterego), в которых корпорации рассматриваются как субъекты правоотношений [1].

По мнению других исследователей, мировой практике известны две модели уголовной ответственности юридических лиц – идентификационная (например, Эстония, Кыргызстан) и расширенная идентификационная (например, Азербайджан, Грузия, Молдова) [5].

В целом можно отметить, что преимущественно научно-практический интерес проявлен к доктринам идентификации, или теории отождествления, и опосредованной ответственности [2]. Учитывая особое отношение к доктрине идентификации и ее распространенность, проанализируем особенности привлечения организации к уголовной ответственности на примере Соединенного Королевства и других стран Британского Содружества, где применение данной доктрины является классическим.

В 1915 году в деле *Lennard's Carrying Co Ltd v Asiatic Petroleum Co Ltd* виконт Холдейн создал модель первичной корпоративной уголовной ответственности за преступления, требующие *mens rea*, которая позже будет известна как теория идентификации. Лорд Холдейн отметил, что корпорация – это абстракция, она не имеет собственного разума так же, как не имеет собственного тела. Следовательно, ее активную и направляющую волю следует искать в лице того, кто выступает агентом и

кто в действительности является направляющим разумом и волей корпорации, непосредственно это и центром личности [10]. Так, слияние индивида внутри корпорации с самой корпорацией позволило преодолеть проблему установления корпоративной *mens rea*, так как волю и намерение компании стали отождествлять с волей и намерениями физических лиц, контролирующих ее деятельность.

Но уже на ранних стадиях эта теория была узка в своем правоприменении, поскольку относилась только к лицам, формирующим управляющий орган корпорации – правление, совет директоров, которые имели такой обширный контроль над делами организации, что компания могла быть идентифицирована как их «*alterego*».

Помимо того, привязка исключительно к деятельности высшего менеджмента сужала возможности применения доктрины, учитывая, что преступления совершались и на более низких уровнях руководства, что в свою очередь выступало преимуществом для крупной корпорации, организационная структура которой способствовала преодолению уголовного преследования [3]. Так, в деле *Tesco Supermarkets Ltd v Natrass* (1971 г.) (далее – «Tesco») Палата лордов заявила о том, что менеджер компании не действовал как ее «направляющий ум и воля», что позволило бы идентифицировать его противоправные действия как деяние самой компании, что освобождало корпорацию от ответственности [13].

Действующее ограничение «принципа отождествления» сохраняло трудности в процессе установления того, кто может быть идентифицирован как компания. В поисках решения Лорд Рейд предположил, что доктрина будет включать только совет директоров, управляющего директора и, возможно, других вышестоящих должностных лиц компании, которые выполняют функции управления и действуют от ее имени, не исключая при этом возможность делегирования части полномочий на управление, предоставляя лицу полную свободу действий независимо от действующих инструкций. Лорд Диплок указал, что это относится к тем физическим лицам, которым в соответствии с уставом или учредительным договором, или решением общего собрания было поручено осуществление полномочий от имени компании [13]. В любом случае решение вопроса об отождест-

влении зависело не от должности того или иного лица как таковой, но единственно от того, персонифицирована ли (полностью или частично) в данном лице его роль как направляющего разум и волю корпорации.

В дальнейшем реагированием на критику выводов по делу «Tesco» выступили новые позиции, сформулированные в рамках судебного процесса по делу *Meridian Global Funds Management Asia Ltd v Securities Commission* (1995, 2, AC 500, 506, PC) (далее – «Meridian») [11]. Был определен новый подход к тому, чьи действия могут быть отождествлены с корпорацией, а также отмечено, что закон может налагать корпоративную ответственность в отношении противоправных действий сотрудника, даже если лицо не может быть идентифицировано как направляющее разум и волю компании.

Так, подход «Meridian» в доктрине идентификации расширил сферу уголовного преследования корпораций и стал мощным инструментом привлечения их к ответственности [8]. В современной усложненной системе управления, где юридические лица перешли от вертикальной модели командования и контроля к более горизонтальным и делегированным структурам, подход «Meridian» проложил более реалистичный путь вперед [9].

В последующем также происходили изменения, сопровождающиеся преобразованием существующей концепции, и доктрина идентификации стала «лазейкой» для проникновения «строгой», или абсолютной, ответственности (то есть объективного вменения) в сферу уголовного регулирования, что нашло свое выражение в п. 2 § 2.07 Примерного уголовного кодекса США: в случаях, когда за совершение посягательства возлагается абсолютная ответственность, предполагается, если иное прямо не предусмотрено законом, что цель законодателя состоит в возложении ответственности на корпорацию [4, с. 135].

Как справедливо отмечено А. С. Никифоровым, «абсолютная ответственность» означает ответственность при отсутствии какого-либо психического отношения к «виновному действию» (*actus reus*) и недоступности каких-либо материально-правовых оснований защиты против обвинения [4, с. 165]. В условиях, когда установлен сам факт нарушения закона и не требуются доказательства вины, даже наличие проявленных со стороны руководя-

щего состава превентивных мер с целью не допустить совершения преступления, ответственность не исключается.

Заимствование основ доктрины «строгой», или абсолютной, ответственности, с позиции духа российского законодателя носило бы слишком реакционный характер, что тем не менее не исключает использование идей классических моделей уголовного преследования корпораций.

Помимо вышеуказанной теории идентификации, некоторые исследователи условно выделяют ее расширенную модель (идентификационную), которая включает правило об отсутствии надзора, когда уголовное преследование юридического лица активизируется не только в случае совершения деяния в интересах компании ее контролирующими лицами, но и в случае совершения деяния иными сотрудниками вследствие отсутствия надлежащего надзора за ними со стороны лиц из числа руководства [5].

Иной подход представлен в доктрине опосредованной ответственности, которая заключается в том, что компания несет всю ответственность за действия работников, которые те совершают в рамках своих обязанностей при условии, если они действуют как служащие, представители или агенты компании, причем уголовная ответственность корпорации при этом не зависит от того, каковы были действия высшего менеджмента и управляющих юридического лица [6, с. 493].

Признаки данной модели можно найти в положении § 2.07 (а) Примерного уголовного кодекса США, определяющего, что корпорация может быть осуждена за совершение преступления, если незаконное деяние совершено агентом корпорации, действующим в ее интересах в пределах своей должности или своего служебного положения [12, с. 56]. «Агент» определяется как любой директор, должностное лицо, служащий, лицо, работающее по найму, или иное лицо, уполномоченное действовать в интересах корпорации или объединения и в случаях, когда речь идет о неинкорпорированном объединении, член такого объединения [12, с. 56–58].

Отметим, что совершение деяния должно быть направлено в пользу организации, и выгода не обязательно является реальной, но должна быть потенциальной. При этом корпорация может фактически не получить выго-

ду, достаточно простого намерения сотрудничать и предоставить ее.

Положение о том, что работник должен действовать в рамках своей трудовой деятельности, выполняется и в случае, если работник имеет фактические или очевидные полномочия участвовать в рассматриваемом деянии. В деле *United States v Parfait Powder* было установлено, что независимые подрядчики могут действовать в интересах корпорации, что не исключает привлечения ее к уголовной ответственности: «Тот, кто обязан выполнить определенный долг перед обществом и поручает его выполнение другому, будь то независимый подрядчик или агент, несет уголовную ответственность за неисполнение лицом, которому он делегировал обязательство соблюдать закон, если неисполнение такого долга является преступлением» [14].

Восприятие данной модели в Уголовном кодексе РФ, при условии ее приоритета, будет достаточно длительным, но позволит усилить защиту интересов отечественных компаний в случае недобросовестных действий иностранных организаций, поскольку преимущественно зарубежный контрагент действует в рамках уголовного закона, который не содержит ограничений по субъекту преступления – одинаково признавая и физическое и юридическое лицо, в то время как национальный механизм защиты по отношению к юридическим лицам, в том числе иностранным, ограничен лишь рамками Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Таким образом, исходя из анализа рассмотренных выше моделей (доктрин) уголовной ответственности юридических лиц, можно отметить, что развитие отечественной правовой системы требует отхода от парадигмы, согласно которой намерение должно исходить только от физического лица. Изменения в международной сфере диктуют необходимость создания серьезных правовых гарантий, одной из которых признается уголовная ответственность юридических лиц. Адекватным реагированием со стороны законодателя будут выступать разрыв со старыми концепциями, провозглашающими соблюдение исключительно принципа индивидуальной и виновной ответственности, и введение института уголовной ответственности юридических лиц. Тем более, что юридическое лицо было при-

зано субъектом преступления в обоих предварительных проектах УК РФ (1993 и 1994 гг.), из которых проект 1994 года предусматривал возможность субсидиарной ответственности как юридического, так и физического лица за одно и то же преступление [4, с. 88].

Литература

1. Антонова, Е. Ю. Современные концепции корпоративной (коллективной) уголовной ответственности / Е. Ю. Антонова // Современное право. – 2011. – № 6. – С. 135–140.

2. Гешелин, М. И. Ответственность юридических лиц в современном уголовном законодательстве Англии и отечественной теории уголовного права / М. И. Гешелин // Актуальные вопросы борьбы с преступлением. – 2016. – № 2. – С. 41–43.

3. Есаков, Г. А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Г. А. Есаков. – М., 2007. – 46 с.

4. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности / А. С. Никифоров. – М., 2002. – 204 с.

5. Семькина, О. И. Ответственность юридических лиц за нарушение правил конкуренции: уголовное преследование и альтернативные способы урегулирования конфликтов (сравнительный аспект) / О. И. Семькина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5 – С. 8–12.

6. Чупрова, Е. В. Ответственность за преступное поведение юридических лиц в совре-

менной Европе / Е. В. Чупрова // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. – М., 2007. – С. 493.

7. Gerry Ferguson. Corruption and Corporate Criminal Liability, International Centre For Criminal Law Reform & Criminal Justice Policy (2000). URL: <http://www.icclr.law.ubc.ca/Publications/Reports?FergusonsG.PDF>.

8. Jetivia SA and another (Appellants) v Bilta (UK) Limited (in liquidation) and others (Respondents). Judgment date. 2015. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2015/23.html>.

9. Johnstone Richard, Parker Christine. Enforceable Undertakings in Action: Report of a Roundtable Discussion with Australian Regulators (February 11, 2010). URL: <https://ssrn.com/abstract=1551627> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1551627>.

10. Lennard's Carrying Co Ltd против Asiatic Petroleum Co Ltd [1915] AC 705. URL: <https://www.uniset.ca/other/cs2/1915AC705>.

11. Meridian Global Funds Management Asia Ltd v The Securities Commission [1995] UKPC 5 (26 June 1995) URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1995/5.html>.

12. Model Penal Code. The American Law Institute Proposed Official Draft. May 4, 1962. P. 56.

13. Tesco Supermarkets Ltd. v Natrass [1971] URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html>.

14. United States v. Parfait Powder Puff Co., 163 F.2d 1008 (7th Cir. 1947) URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/163/1008/1498359>.

Панаева Ляйля Елюхановна – аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: layla-56@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2022 г.

DOI: 10.14529/law220405

MODELS OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES OUTSIDE RUSSIA

L. E. Panaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Changes in the international sphere dictate the need to introduce the institution of criminal liability of legal entities. In order to overcome the slowness of the legislative process in the Russian Federation, the article presents models of criminal liability of legal entities in other countries where this institution has been operating for centuries.

Attention is drawn to the specifics of the United States, where companies are subject to criminal prosecution on the basis of the doctrines of «strict» or absolute liability (i.e. objective imputation) and vicarious liability. The law enforcement practice of the English courts is reflected, which over time changed the limits of the doctrine of identification, or the theory of identification, and subsequently expanded the range of subjects of crime. In conclusion, it is indicated that it is necessary to recognize a legal entity as a subject of a crime in the Criminal Code of the Russian Federation, which was provided for by the draft Criminal Code of the Russian Federation in 1994.

Keywords: *corporation, models of criminal liability, criminal liability of legal entities, vicarious liability, doctrine of identification.*

References

1. Antonova E. Ū. [Modern concepts of corporate (collective) criminal responsibility]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2011, no. 6, pp. 135–140. (in Russ.)
2. Gešelin M. I. [Responsibility of legal entities in the modern criminal legislation of England and the domestic theory of criminal law]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniem [Topical issues of combating crime]*, 2016, no. 2, pp. 41–43. (in Russ.)
3. Esakov G. A. *Učenie o prestuplenii v stranah sem'i obšego prava: avtoreferat dis. ... d-ra ūrid. nauk* [The doctrine of crime in the countries of the common law family. Author's abstract]. Moscow, 2007, 46 p.
4. Nikiforov A. S. *Ūridičeskoe lico kak sub"ekt prestupleniâ i ugovnoy otvetstvennosti* [A legal entity as a subject of crime and criminal liability]. Moscow, 2002, 204 p.
5. Semykina O. I. [Liability of legal entities for violation of competition rules: criminal prosecution and alternative ways of conflict resolution (comparative aspect)]. *Žurnal zarubežnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniâ [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence]*, 2017, no. 5, pp. 8–12. (in Russ.)
6. Čuprova E. V. [Responsibility for the criminal behavior of legal entities in modern Europe]. *Sistemnost' v ugovnom prave: materialy II Rossijskogo kongressa ugovnogo prava [Consistency in Criminal law: Materials of the II Russian Congress of Criminal Law]*. Moscow, 2007, 596 p.

Lyailya Elyukhanovna Panaeva – postgraduate student of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: layla-56@mail.ru.

Received 29 June 2022.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Панаева, Л. Е. Модели уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах / Л. Е. Панаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 33–37. DOI: 10.14529/law220405.

FOR CITATION

Panaeva L. E. Models of criminal liability of legal entities in foreign countries. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 33–37. (in Russ.) DOI: 10.14529/law220405.